

Секция «Юриспруденция»

**К вопросу о пределах автономии воли сторон при определении права,
подлежащего применению к акционерным соглашениям**

Спирин Владислав Игоревич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический
факультет, Москва, Россия
E-mail: antizardoff@mail.ru*

Правовое регулирование отношений между акционерами является важной составляющей акционерного права. В мировой практике для коллективного осуществления корпоративных прав уже давно используется институт акционерных соглашений. С 2009 г. указанный институт был законодательно закреплён и в России, но одна статья ФЗ «Об АО» вряд ли способна снять все вопросы о его содержании и применении. В отсутствие надлежащей законодательной регламентации особенно остро стоит вопрос о возможности подчинения акционерного соглашения иностранному праву.

Определяя природу акционерных соглашений, ФЗ «Об АО» прямо называет их договорами: «Акционерным соглашением признается договор об осуществлении прав, удостоверяемых акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции» (п.1 ст. 32 ФЗ «Об АО»). По своему характеру указанные права являются имущественными или личными неимущественными.

Также следует отметить, что последними изменениями, внесенными в ГК, вступившими в силу 1 марта 2013 года, к предмету регулирования гражданского законодательства были отнесены и корпоративные отношения.[1] Сказанное позволяет сделать вывод, что российский законодатель относит правовой институт акционерных соглашений к отрасли гражданского права.

При этом акционерные соглашения нельзя сводить исключительно к нормам обязательственного и договорного права (хотя такая позиция и представлена в правовой науке)[2], так как предпосылкой возникновения этих отношений выступает факт наличия корпоративного правоотношения между участниками соглашения и акционерным обществом. Как справедливо отмечает Д.И. Степанов «обязательства, возникающие из такого договора, имеют в большей или меньшей степени корпоративную окраску» [3]. Соответственно, из этого можно сделать заключение о комплексности института акционерного соглашения, состоящую в регулировании его как нормами обязательственного, так и нормами корпоративного права.

Вышеуказанный вывод имеет непосредственное значение при определении права, подлежащего применению к акционерным соглашениям, так как необходимо учитывать возможность применения к акционерному соглашению сразу двух коллизионных привязок: договорного статута и личного статута юридического лица. Рассматриваемое явление достаточно обстоятельно исследовано А.В. Асосковым и получило название «наложения нескольких коллизионных привязок»[4].

Соответственно, для определения возможности урегулирования акционерного соглашения нормами иностранного права следует определиться со сферой применения указанных статутов.

Учитывая двойственность института акционерных соглашений, в науке справедливо отмечается, что его «общегражданская» часть (например, сроки исковой давности) будет попадать в сферу применения договорного статута. Иными словами, стороны соглашения будут обладать автономией воли в выборе права, подлежащего применению, в соответствии с п.1 ст.1210 ГК РФ.

Также необходимо выяснить область распространения статута юридического лица, являющегося основным по отношению к договорному статуту, в рассматриваемых отношениях. Наиболее «проблемной» точкой соприкосновения указанных коллизионных привязок является понятие «внутренних отношений юридического лица», используемое в пп.7 п.2 ст. 1202 ГК. Непосредственно от того, что является содержанием указанного понятия, зависит ответ на вопрос о возможности или невозможности подчинения акционерного соглашения иностранному праву.

До законодательного урегулирования института акционерных соглашений (июль 2009 года) арбитражные суды достаточно широко трактовали понятие «внутренних отношений юридического лица», фактически сводя его ко всем вопросам, прямо или косвенно связанным с управлением российскими юридическими лицами. Делался вывод о невозможности подчинения акционерного соглашения иностранному праву, исходя из нормы пп.7 п.2 ст.1202 ГК [5].

Представляется, что подобный подход арбитражных судов не совсем обоснован, по следующим причинам:

Во-первых, внутренние отношения юридического лица непосредственно связаны с его внутриорганизационным статусом: корпоративная структура, полномочия органов юридического лица, взаимные права и обязанности акционеров и общества по отношению друг к другу. Другими словами, внутренние отношения юридического лица можно свести к модели «общество-акционер» или «акционер – член органа управления юридического лица». [6]

В свою очередь сфера применения акционерных соглашений несколько иная. Исходя из п.1 ст.32.1 ФЗ «Об АО» это *обязательства акционеров об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции (курсив мой – В.С.)*. Таким образом, общество не может выступать стороной акционерного соглашения, потому как, по общему правилу, оно не обладает своими акциями и ни при каких обстоятельствах не может осуществлять права, ими удостоверенные (п. 3 ст. 72 ФЗ об АО). Также, исходя из системного анализа норм ФЗ «Об АО» и текущей судебной практики [7], изменение в акционерном соглашении императивных положений закона касательно кворума общего собрания акционеров, порядка назначения совета директоров и других подобных положений и подчинение их иностранному праву и будет означать вторжение во внутренние отношения юридического лица.

Во-вторых, указанные отношения регулируются правовыми актами, которые являются обязательными для всех участников общества: законодательство о юридических лицах, устав, а также внутренние документами общества (например, положение о совете директоров и общем собрании акционеров).

Что касается акционерных соглашений, то в п.4 ст. 32.1 ФЗ «Об АО» прямо указывается, на невозможность распространения его условий на лиц, его не подписывавших.

Наконец нарушение правил, касающихся внутренних отношений юридического лица, влечет наложение особых мер ответственности - признание решения общего собра-

ния и совета директоров недействительным и возможность привлечения к ответственности членов органов управления акционерным обществом.

Согласно же п.4 ст. 32.1 ФЗ «Об АО» нарушение акционерного соглашения не может являться основанием для признания недействительными решений органов общества.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что действующим коллизионным законодательством и правоприменительной практикой автономия воли сторон допускается лишь тогда, когда положения акционерного соглашения касаются отношений, не отнесенных к сфере регулирования корпоративного законодательства, уставов и внутренних документов общества. Суды активно используют достаточно архаичную доктрину предотвращения «обхода закона» (*agere in fraudem legis*), т.е. попытки использования иностранного правопорядка, чтобы избежать действия национальных норм права.

Учитывая чрезмерную концентрацию императивных предписаний в корпоративном законодательстве и патерналистский подход российских судов, пределы автономии воли сторон в указанном вопросе носят настолько мизерный характер, что подчинение акционерного соглашения иностранному праву с практической точки зрения представляется почти бессмысленным. При этом институт акционерных соглашений, позволяющий сторонам оптимизировать структуры корпоративного управления и контроля резко востребован российским и иностранным бизнесом, осуществляющим предпринимательскую деятельность в РФ. Стараясь уйти от «заурегулированности» российского корпоративного права инвесторы учреждают компании за рубежом, либо используют иностранные холдинговые структуры для управления российским бизнесом. Выгода для России от подобных действий весьма сомнительна.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ "О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".
2. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 14.
3. Степанов Д.И., Фоегль А.В., Х.И. Шрамм. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования//Вестник ВАС РФ. 2012. № 10, С 26.
4. Асосков А.В. Понятие и классификация коллизионных норм с множественностью привязок // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 28.
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 31.03.2006 N Ф04-2109/2005 по делу N А75-3725-Г/04-860/2005; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 декабря 2006 года по делу N А40-62048/06-81-343.
6. Степанов Д.И., Фоегль А.В., Х.И. Шрамм. Указ. соч. С. 66.
7. Постановление ФАС Поволжского округа от 25.05.2011 по делу N А57-7487/2010; Постановление ФАС Московского округа от 30.05.2011 N КГ-А40/4971-11-П по делу N А40-140918/09-132-894.